

К. В. ЛОМТАТИДЗЕ

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИБЕРИЙСКО-КАВКАЗСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

На страницах журнала «Вопросы языкознания» были опубликованы дискуссионные статьи Е. А. Бокарева, В. Георгиева, И. М. Дьяконова и И. М. Дунаевской относительно вопросов генетической связи иберийско-кавказских языков с древними языками Передней Азии и Средиземноморья, а также живым баскским языком¹. Поскольку в первой статье (Е. А. Бокарева), открывающей дискуссию, рассматривались задачи сравнительно-исторического изучения иберийско-кавказских языков, постольку считаем необходимым высказать свое мнение по поводу выдвинутых в статье положений.

Основные положения статьи Е. А. Бокарева таковы: иберийско-кавказские языки (у автора — кавказские языки) недостаточно изучены; далеко не все языки описаны. Для полной убедительности в родстве этих языков неотложной задачей является составление сравнительно-исторических грамматик как отдельных групп, так и в целом иберийско-кавказских языков и установление между этими языками звуковых соответствий. Положение ряда ученых о генетическом родстве иберийско-кавказских языков с древними языками Передней Азии и Средиземноморья лишено всякого основания.

Е. А. Бокарев считает, что родство этих языков, существование хеттско-иберийской семьи, как лишенное реального обоснования, не может выдвигаться в настоящее время даже как рабочая гипотеза. Более того, по мнению автора: «Постановка вопроса об исторической общности хеттско-иберийских языков дезориентирует специалистов по кавказским языкам (подчеркнуто нами. — К. Л.), отвлекает их от очередных насущных задач, имеющих решающее значение для развития современного кавказоведения» (стр. 53).

Положение о родстве иберийско-кавказских языков с древними языками Передней Азии и Средиземноморья Е. А. Бокарев сравнивает с попытками связывать иберийско-кавказские языки с индоевропейскими, семитическими, угро-финскими и тюркскими. Как известно, предположение о родстве иберийско-кавказских языков с индоевропейскими, семитическими, угро-финскими или тюркскими высказывалось в разное время отдельными учеными. Предположения эти не находили сторонников. Что же касается родства иберийско-кавказских языков с древними языками Передней Азии и Средиземноморья, вряд ли найдется специалист по ука-

¹ Е. А. Бокарев, Задачи сравнительно-исторического изучения кавказских языков (1954, № 3); В. Георгиев, Вопросы родства средиземноморских языков (1954, № 4); И. М. Дьяконов, О языках древней Передней Азии (1954, № 5), И. М. Дунаевская, О характере и связях языков древней Малой Азии (1954, № 6). В дальнейшем в тексте в скобках даем ссылки на страницы рассматриваемых нами статей.

занным языкам, который бы не относился положительно к вопросу о родстве той или иной группы этих древних языков с иберийско-кавказскими языками.

Если иберийско-кавказское языкознание имеет право на существование как научная дисциплина (в чем никто уже не может сомневаться), то его основной целью должно являться изучение вопросов генетического порядка. Иных задач—кроме всестороннего сравнительно-исторического исследования этих языков, выяснения их генетической связи—и не может быть. Иначе и не представляется нам настоящее сравнительно-историческое изучение языков.

На современном этапе развития советского языкознания странным кажется утверждение автора дискуссионной статьи о том, что такая постановка вопроса может «дезориентировать специалистов» по кавказским языкам, отвлечь их от очередных насущных задач, имеющих решающее значение для развития современного кавказоведения. Что такой подход к данному вопросу ни в какой мере не может отвлекать специалистов от насущных задач кавказоведения, видно из справедливого признания самого Е. А. Бокарева: именно специалистами, стоящими на упомянутой точке зрения, «многое сделано... для развития сравнительно-исторического метода в применении к кавказским языкам с учетом ряда их специфических особенностей...» (стр. 51).

Как выше было сказано, вопрос о родстве этих языков в статье Е. А. Бокарева решается отрицательно по той причине, что между данными языками не установлены звуковые соответствия; вместе с тем он предлагает прекратить исследование в этом направлении.

Когда исследователь иберийско-кавказских языков говорит об их генетической общности с древними языками Передней Азии и Средиземноморья, он учитывает авторитетное мнение специалистов по этим вопросам, а также то бесспорное сходство в структурном отношении, которое проявляют эти древние языки с иберийско-кавказскими языками.

Не вызывает никакого сомнения тот факт, что вопросы родства этих языков пока еще не разработаны должным образом, что при решении их мы наталкиваемся на большие затруднения из-за скудости достоверно толкуемых материалов, но тем более неотложным является изучение данных вопросов. Решающее слово в этом деле, как часто отмечают специалисты, принадлежит исследователям, компетентным в вопросах иберийско-кавказского языкознания. Чтобы иметь правильное представление об историческом процессе развития этих языков и их взаимоотношения, нужно учесть характерные данные разных групп иберийско-кавказских языков.

Определение генетической связи между языками, как это известно из истории языкознания, никогда не начиналось с установления звуковых соответствий между ними. При выделении родственной группы языков исследователи исходили не из уже установленных звуковых соответствий, а из общих для определенных групп языков грамматических явлений. Звуковые соответствия выявляются в процессе сравнения и в дальнейшем служат опорой для него. Тот же аргумент, т. е. отсутствие звуковых соответствий, приводится часто некоторыми языковедами, особенно специалистами других языков, и для отрицания родства между отдельными группами иберийско-кавказских языков.

Родство отдельных групп иберийско-кавказских языков (в частности, картвельских языков с горскими иберийско-кавказскими языками) отрицал и Н. Трубецкой, которому приходилось изучать лишь северокавказские языки. Совершенно иную позицию занимал, как известно, в этом вопросе замечательный русский ученый, выдающийся исследователь кавказских языков П. К. Услар. В его время ничего не было известно о звуковых со-

ответствиях между отдельными группами данных языков (даже между картвельскими языками). Он хорошо видел также значительные расхождения между группами иберийско-кавказских языков в грамматическом строе, но это не мешало ему — основоположнику иберийско-кавказского языкознания — считать бесспорным родство указанных языков. П. К. Услар писал: «Теперь уже утвердительно можно сказать, что к великим семействам языков старого света: индоевропейскому, семитскому, кушитскому (коптский, эфиопский) и урало-алтайскому должно присоединить еще совершенно самостоятельное семейство языков кавказских, так как все эти языки, при изумительном разнообразии, представляют глубокие родственные черты. Армянский язык есть индоевропейский; грузинский, повидимому, есть язык кавказский и, по всей вероятности, самый замечательный в целом семействе. Без очерка грамматического строения грузинского языка замышляемый мною *Caucase polyglotte* будет незамкнут»¹.

Можно ли сомневаться в родстве иберийско-кавказских языков и считать это родство научно необоснованным, когда еще не установлены звуковые соответствия? Каково положение в этом отношении? На какой ступени находится развитие иберийско-кавказского языкознания?

Е. А. Бокарев указывает на то, что еще не все языки иберийско-кавказской семьи описаны; нет сравнительных грамматик даже по отдельным группам иберийско-кавказских языков, и то, что сделано, не собрано воедино.

Нельзя полностью согласиться с этим. Все иберийско-кавказские языки в настоящее время изучены, хотя не в одинаковой степени. Изучены языки: картвельские (грузинский, занский, сванский), абхазско-адыгские (абхазско-абазинский, убыхский, адыгейский, кабардинский), кистинские (чеченский, бацбийский, ингушский), дагестанские (аварский, андийский, ботлхский, каратинский, чамалальский, тиндийский, ахвахский, хваршинский, багвалальский, каучино-гунзибский, гинухский, дидойский, даргинский, лакский, лезгинский, агульский, рутульский, цахурский, будухский, удинский, табасаранский, арчинский). Более того, изучено большинство и диалектов названных языков. В результате исследования перечисленных языков и диалектов выяснилось, что ряд известных в специальной литературе как самостоятельные языки лингвистических единиц являются в действительности диалектами того или иного языка.

Особенно продвинулось вперед исследование общих генетических вопросов иберийско-кавказского языкознания у нас при советской власти. К сожалению, большинство трудов, выполненных за последнее время, не издано, но они известны специалистам и используются ими. Правда, нет еще обобщающих трудов в виде сравнительных грамматик как иберийско-кавказских языков в целом, так и отдельных групп этих языков, в их числе даже хорошо изученных картвельских, но это отнюдь не значит, что отдельные важные вопросы фонетической системы, грамматического строя и основного словарного фонда иберийско-кавказских языков не исследованы в сравнительно-историческом аспекте.

Именно в области сравнительно-исторического изучения общей фонетической системы, грамматических категорий, синтаксических конструкций, основного словарного фонда иберийско-кавказских языков получены за последнее время существенные результаты. Выявлены общие черты, объединявшие различные группы иберийско-кавказских языков на ранних этапах их развития. Успехи эти были бы невозможны, если бы специа-

¹ П. К. Услар, Письмо к А. П. Берже от 10 февраля 1864 г., в кн.: «Этнография Кавказа. Языкознание, II — Чеченский язык», Тифлис, 1888, стр. 35.

листы одной какой-либо группы иберийско-кавказских языков не вели бы исследований также и по другим родственным группам.

Результатом такого изучения является, в частности, нижеследующее.

Современная весьма сложная система консонантизма в различных группах иберийско-кавказских языков (как, например, дагестанских, а особенно абхазско-адыгских) получена в итоге усложнения исходной, более простой фонетической системы; путем такого усложнения в ряде этих языков сформировались новые ряды фонем: латеральные, лабиализованные, геминаты, губно-зубные спиранты и т. д.

Для исходной общей фонетической системы этих языков характерно обилие ларингально-фарингальных звуков, троечность системы смычных и парность системы спирантов. Дальнейшее усложнение этой системы коснулось главным образом переднеязычных¹.

Система вокализма иберийско-кавказских языков простая. В некоторых языках вокализм усложнился под влиянием разных фонетических процессов².

Для всех иберийско-кавказских языков характерна префиксация, хотя при образовании ряда категорий используются и суффиксы. Установлено, что суффиксация в определенных случаях, как, например, в формах падежей, личных формах глагола, окончаниях времен и т. п., вторичного происхождения.

В отношении склонения иберийско-кавказские языки ныне сильно расходятся; в ряде языков склонение имен богато представлено формами (дагестанские языки, картвельские языки), в других — система склонения простая (адыгские языки, убыхский язык) или же совершенно отсутствует (абхазский язык). Установлено, что в этом отношении исходное положение сохранилось в абхазском языке. Образование падежных форм и в других иберийско-кавказских языках — вторичное явление. В некоторых языках (как, например, аварском, андийском) сохранились формы классного склонения. Следы такого склонения прослеживаются и в картвельских языках³.

Особенностью морфологии всех иберийско-кавказских языков является наличие грамматической категории человека и вещей. В большинстве иберийско-кавказских языков категория грамматических классов является действующей; в некоторых языках (картвельских, убыхском, адыгских, лезгинском, удинском, агульском) эта категория ныне отсутствует. Установлено, что и в этих языках исторически действующими являлись грамматические категории человека и вещи. Вместе с тем установлено, что аф-

¹ См.: N. Troubetzkoy, Les consonnes latérales des langues caucasiennes septentrionales, «Bull. de la Société de linguistique de Paris», t. 23, fasc. 3, 1922; Арн. Чикобава, Отчетный доклад о работе над чарским диалектом аварского языка, «Известия Ин-та языка, истории и матер. культуры [Груз. филиала АН СССР], IV, 1939 [на груз. языке]; И. И. Церцвадзе, Об одном латеральном согласном и соответствующих ему рефlekсах в аварско-андийско-дидойской группе дагестанских языков, «Сообщения АН Груз. ССР», т. XIII, № 7, 1952; Т. Е. Гудова, К вопросу о генезисе латерального звука *te* в языках аварско-андийско-дидойской группы и его фонетическом соответствии в картвельских языках, сб. «Иберийско-кавказское языкознание», VI, Тбилиси, 1954; К. В. Ломтатидзе, Об одной фонетической закономерности в абхазско-абазинских диалектах, «Сообщения АН Груз. ССР», т. III, № 8, 1942 и ряд других работ.

² См.: А. Шанидзе, Умлаут в сванском, сб. «Арили», Тбилиси, 1925 [на груз. языке]; В. Топурия, Еще об умлауте в сванском языке, «Известия Тифлисск. ун-та», VIII, 1928 [на груз. языке].

³ См.: Арн. Чикобава, Категория грамматических классов и генезис падежных окончаний в грузинском языке, «Сообщения АН Груз. ССР», т. VII, № 1—2, 1946; И. И. Церцвадзе, Дательный падеж с классными показателями в анду-ском диалекте аварского языка, «Труды Тбил. ун-та», т. XXVIIb, 1946.

фиксы этой общей для всех иберийско-кавказских языков категории во всех этих языках одни и те же: для грамматической категории человека — *w*, а для класса вещей — *d, n, r, j, b* (и их фонетические разновидности)¹.

В спряжении глагола иберийско-кавказских языков наблюдаются три степени развития: исходное классное спряжение (в аварском, андийском и др.), классно-личное спряжение (в абхазском, кистинских языках, лакском и др.), личное спряжение (в картвельских языках, адыгском, убыхском языках). Углубленное изучение истории спряжения этих языков приводит к твердому убеждению, что исходным являлось классное спряжение: в классно-личном и личном спряжениях налицо последующие степени развития².

В языках с классным спряжением глагол бывает одноклассным: в непереходном глаголе выражен только класс субъекта, а в переходном — класс прямого объекта. В языках с личным спряжением имеется и полиперсональный глагол, т. е. выражаются как субъект, так и объекты. Но весьма интересно, что и в этих языках засвидетельствованы факты, характерные для классного спряжения: в переходном «полиперсональном» глаголе в определенных случаях отсутствует показатель субъекта³. В большинстве случаев личные аффиксы восходят к экспонентам грамматических классов.

Глаголы в иберийско-кавказских, как и в других, языках делятся на переходные и непереходные, но в отличие от других языков одни и те же основы глаголов в иберийско-кавказских языках могут быть и переходными, и непереходными; адыгск. непереходн. *ɟəfər ma-q'əta* «человек рубит (вообще)» и переходн.: *ɟəfəm je-q'əta pxār* «человек рубит дрова».

Такая древнейшая лабильная конструкция постепенно замещается стабильной конструкцией, когда основа глагола становится или только переходной, или же только непереходной⁴.

Переходные глаголы во всех иберийско-кавказских языках имеют эргативную конструкцию. Эргативной конструкции в этих языках предшествовала индефинитная конструкция. Основа переходного глагола нейтральна. Иберийско-кавказские языки залогов (действительного, страдательного) не различали, не различаются они в большинстве языков и теперь. Зачатки залогов увязываются, с одной стороны, с появлением категории каузатива, а с другой стороны, с появлением категорий версии и потенциалиса⁵.

¹ См.: Арн. Чикобава, Древнейшая структура именных основ в картвельских языках, Тбилиси, 1942; Г. В. Рогова, О пережитках экспонентов грамматических классов в адыгейских языках, «Сообщения АН Груз. ССР», т. X, № 1, 1950 и др.

² См.: Арн. Чикобава, Категория грамматических классов и некоторые вопросы спряжения глаголов в грузинском языке, сб. «Иберийско-кавказское языкознание», V, Тбилиси, 1953 [на груз. языке; резюме на русск. языке]; Г. Рогова, указ. соч.

³ См.: Арн. Чикобава, Категория грамматических классов и некоторые вопросы спряжения глаголов в грузинском языке; К. В. Ломтатидзе, Бессубъектные формы абхазского переходного глагола, сб. «Иберийско-кавказское языкознание», II, Тбилиси, 1948 [на груз. языке; резюме на русск. языке] и др.

⁴ См. Арн. Чикобава, Проблема эргативной конструкции в кавказских языках: стабильный и лабильный варианты этой конструкции, «Известия Ин-та языка, истории и матер. культуры [АН Груз. ССР]», XII, 1942 [на груз. языке; резюме на франц. языке].

⁵ См.: А. С. Чикобава, Сравнительно-исторические очерки картвельских языков. II — К категории возможности (потенциалиса) в картвельских языках, «Известия Ин-та языка, истории и матер. культуры [Груз. филлала АН СССР]», I, 1937; А. Лекиашвили, Об образовании форм потенциалиса в абхазском глаголе, сб. «Иберийско-кавказское языкознание», II, Тбилиси, 1948; К. В. Ломтатидзе, Категории потенциалиса (возможности) и произвольности в абхазско-абазинском глаголе, «Сообщения АН Груз. ССР», т. XVI, № 3, 1955 и др.

Общей характерной чертой для всех иберийско-кавказских языков является эргативная конструкция переходного глагола: субъект при переходных глаголах стоит в эргативном падеже, а объект (прямой) — в именительном падеже; при непереходных глаголах субъект стоит в именительном падеже. Следовательно, субъект непереходного глагола и прямой объект переходного глагола выражены одним и тем же падежом — именительным. С такой конструкцией глагола внутренне связано отсутствие винительного падежа во всех иберийско-кавказских языках.

В абхазском языке, в котором не имеется падежных форм, наличие эргативной конструкции выявляется посредством личных аффиксов в самом глаголе¹.

Большая работа проведена по изучению основного словарного фонда иберийско-кавказских языков. Установлено, что в составе основы слов в этих языках (например, картвельских, абхазско-адыгских, андийском, даргинском и др.) был представлен обычно префикс, показатель грамматического класса человека или вещи, а также детерминативный суффикс. В дальнейшем эти аффиксы срослись с корневым элементом, и в таком виде они встречаются часто во всех иберийско-кавказских языках; ср., например, грузинск. *sa-x l-i* «дом», мегрельск. *do-x-or-i* «дворец, большой дом» и чанск. *o-x-or-i* «дом», глагол *x-or-ua* «поселиться», где корневым элементом выступает *x*, *sa* и *do* → *o* являются показателями грамматического класса вещи, а *-l* (← *al*) || *-or* — суффиксами детерминантами.

Установлено, что один и тот же корень может быть представлен как с префиксом грамматического класса, так и с детерминативным суффиксом или же с одним из них, а иногда налицо корень в чистом виде.

Ср.: грузинск. *si-s^{x1}-l-i*, занск. *zi-s^{x1}-ir-i* || ← *di-s^{x1}-ir*, сванск. *zi-s^{x1}* ← **di-s*, адыгейск. *l'ə*, абхазск. *a-ša* «кровь» и в абхазско-адыгских же языках этот же корень в слове «красный» с классным экспонентом *p* (← *b*): адыгейск. *p-l'ə*, абх. *qa-p-š* || *a-p-š*; в глагольной основе: грузинск. *de-g* (*aγ-w-de-g* — «я встал»), абхазск. *i-gə-la-up* «стоит», адыгейск. *tā-gə-n* ← **dā-gə-n* «стоять» и т. д.² В ряде случаев отсутствие указанных элементов и в первую очередь детерминативного суффикса объясняется действием интенсивного ударения.

Выделение в основах имен и отчасти глаголов окаменелых показателей грамматических классов и детерминативных суффиксов подготовило прочную основу для сравнительно-исторического изучения корневых элементов основного словарного фонда иберийско-кавказских языков. Установлено в ряде случаев единство на первый взгляд самых различных в звуковом отношении слов, как, например, грузинск. *da-t-w-i*, занск. *tu-ⁿ¹-t-i*, сванск. *de-šd-w*, адыгейск. *mə-s'ä*, абхазск. *am-š°*, аварск. *ci*, кистинск. *ci*, табасаранск. *še* и т. д.

¹ См.: А. С. Чикобава, «Проблема эргативной конструкции...»; К. В. Ломтаидзе, «Относительное местоимение в глагольных формах абхазского языка, «Сообщения АН Груз. ССР», т. III, № 4, 1942 и т. д.

² См.: И. А. Джавахишвили, Введение в историю грузинского народа, т. II — Первоначальный строй и родство грузинского и кавказских языков, Тбилиси, 1937; А. С. Чикобава, Древнейшая структура именных основ в картвельских языках; В. Т. Топурия, Глаголы с префиксальным *-d-* в грузинском языке, «Труды Тбил. ун-та», XXV, 1943 [на груз. языке; резюме на русск. языке]; И. И. Кавтарадзе, К истории основных грамматических категорий глагола в древнегрузинском языке, Тбилиси, 1954, стр. 239, 291, 295; Г. В. Рогава, К вопросу о структуре именных основ и категорий грамматических классов в адыгских (черкесских) языках. Автореф. докт. дисс., Тбилиси, 1953 и др.

Все больше и больше выявляется древнейший общий основной словарный фонд иберийско-кавказских языков. Чем глубже мы проникаем в историю этих языков, тем больше общих явлений обнаруживается между ними как в грамматическом строе, так и в основном словарном фонде.

В результатах, добытых путем уже проведенного исследования иберийско-кавказских языков, нашло подтверждение положение о генетической общности иберийско-кавказских языков; великими оказались слова П. Услара, что эти языки «при изумительном разнообразии, представляют глубокие родственные черты».

Установление родства и выявление общего лингвистического материала между иберийско-кавказскими языками подготовило надежную почву для установления звуковых соответствий между ними, и, естественно, что проведенная за последние годы работа в этом направлении дает весьма ощутимые результаты.

Установлено, например, соответствие грузинск. *t*, занск. *t*, сванск. *šd*, абхазо-адыгейск. *s'//s* (*š*, *š'*):

Грузинск.	<i>da-t-w-i</i>	«медведь»
Занск.	<i>tu'n¹-t-i</i>	»
Сванск.	<i>de-šd-w</i>	»
Абхазск.	<i>a-m-š'</i>	»
Адыгейск.	<i>mə-s'ä</i>	»
Грузинск. (др.-груз.)	<i>t-t-we</i> ← <i>*d-t-we</i>	«месяц, луна»
Занск.	<i>tu-t-a</i> . . . «луна, месяц», <i>tu-t-ašxa</i> . . . «понедельник» (буквально: «день луны»)	
Сванск.	<i>do-šd-ul</i> «луна, месяц», <i>de-šd-iš</i> «понедельник»	
Абхазск.	<i>a-š'a-x'a</i> «понедельник»	
Грузинск. (др.-груз.)	<i>t-el-i</i> «поросенок»	
Занск.	<i>t-u'l¹</i> »	
Абхазск.	<i>a-s'a-s' (a-sə-s)</i> »	
Грузинск.	<i>t-ow-l-i</i> «снег»	
Занск.	<i>t-i</i> »	
Сванск.	<i>šd-uw-e</i> «снег идет» (буквально: «снежит»)	
Абхазск.	<i>a-s'a (a-sə)</i> «снег»	
Адыгейск.	<i>wä-sə</i> и т. д.	

Приведем также соответствия между грузинским и аварским языками:

Грузинск.	<i>qw</i> (<i> q</i>), аварск. <i>тѣ</i>
Грузинск.	<i>u-qw-ar-s</i> «любит», аварск. <i>ro-тѣ-i</i> «любовь»
Грузинск.	<i>qw-l-iw-i</i> «кость», аварск. <i>ra-тѣ-a</i> «кость»
Грузинск.	<i>si-t-qw-a</i> «слово», аварск. (ботлихск.) <i>hi-тѣ-и</i> «сказал» и т. д. ¹

С каждым годом все больше и больше выявляются новые звуковые соответствия между отдельными группами иберийско-кавказских языков.

¹ См. Т. Е. Гудава, указ. соч., стр. 61. См. также о звукосоответствиях: G. Dumézil, *Études comparatives sur les langues caucasiennes du Nord-Ouest*. (Morphologie), Paris, 1932; Т. Е. Гудава, Д. С. Имнайшвили, Э. А. Ломтадзе, З. М. Магомедбекова, И. И. Церцвадзе, О звуковых соответствиях в языках аварско-андийско-дидойской группы, в кн.: «III (IX) Научная сессия Ин-та языкознания... [АН Груз. ССР]. План работы и тезисы докладов», Тбилиси, 1952; Ш. Г. Гаприндашвили, О лакско-даггинских звукосоответствиях, сб. «Иберийско-кавказское языкознание», VI, Тбилиси, 1954 [на груз. языке; резюме на русск. языке]; К. В. Ломтадзе, К генезису одного ряда троечных спирантов в адыгских языках, «Доклады и сообщения [Ин-та языкознания АН СССР]», IV, М., 1953 и ряд др.

Фонетические закономерности и их особенности, выявляемые в звуковых соответствиях иберийско-кавказских языков, имеют значение не только для истории взаимоотношения различных групп иберийско-кавказских языков. Они представляют безусловный интерес и с точки зрения уточнения методики сравнительно-исторического анализа языков.

В иберийско-кавказских языках нередко звуковые соответствия охватывают только определенную группу слов, тогда как в других случаях, казалось бы, те же самые звуки дают иные соответствия. Если подобные примеры имели бы место в разных группах иберийско-кавказских языков, можно было думать, что перед нами случайные факты, не свидетельствующие о родстве сравниваемых языков. Но как быть, если подобные явления сплошь и рядом наблюдаются в ближайшгородственных языках или даже в диалектах одного и того же языка?

О каком регулярном звуковом соответствии можно говорить, например, когда звук *f* в абхазском языке встречается только в одном лишь слове: *aḥa* (→ *apa*) «тонкий». Ему в тапантском диалекте соответствует (a) *ḥa*. В других случаях фонеме *ḥ* тапантского диалекта в южноабхазских диалектах, а также ашхарском диалекте не соответствует *f* (налицо *ḥ* без изменения). В свое время нам удалось установить, что *f* абжуйско-(бзыбско)-ашхарского диалектов в слове «тонкий» ведет начало от лабиализованного звука *ḥ°*, но вообще-то фонема *ḥ°* не имеет соответствия в виде фонемы *f*¹. Было установлено, что корень слова «огонь» в одних и тех же диалектах абхазского языка представлен как в виде *ḥ* → *ḥ°*, так и в виде *f*.

Грузинскому *ḥ* в занском и сванском языках соответствует *ḥ*: грузинск. *ḥta*, занск. *ḥita*, сванск. *ḥmil* «брат»; в ряде случаев в сванском это *ḥ* перешло в *ḥ̃*, например: грузинск. *ḥali*, занск. *ḥoḥori* и сванск. *ḥeḥ(w)* «собака»; но далеко не всегда сванское *ḥ* → *ḥ̃*.

Одно грузинское *s*, например, в ближайшгородственных языках имеет следующие соответствия:

- 1) грузинск. *s*, занск. *ḥ̃*, сванск. *ḥ̃*
asi *oḥi* *aḥir* «сто»
- 2) грузинск. *s*, занск. *ḥ̃*, сванск. *q(w)*
suli, suni *ḥuri* *qwin* — «дух, запах» и т. д.
- 3) грузинск. *s*, занск. *s*, сванск. *ḥ̃*
le-s-aws *tasuns* *alaḥe* «сеет» и т. д.
- 4) грузинск. *s*, занск. *s*, сванск. *s*
sami *sumi* *semi* «три» и т. д.

Такое разнообразие в соответствиях наблюдается в одном и том же слове: грузинскому свистящему *s* обычно в занском соответствует шипящее *ḥ̃* (см. 1-й случай), но иногда встречается неожиданное обратное соответствие: свистящий вариант имеется в занском, тогда как в грузинском тот же корень предстает в шипящем виде; ср. грузинск. *ḥen* и занск. *sī* «ты».

Из сказанного видно, что звуковые соответствия имеются и в иберийско-кавказских языках, но они носят куда более сложный характер, чем это известно из индоевропейских языков. Все это учитывается и должно учитываться при обобщении данных о звуковых соответствиях.

¹ См. указ. статью автора «Об одной фонетической закономерности в абхазско-абазинских диалектах».

*

Выше нами был дан самый беглый обзор специфических черт грамматической структуры и основного словарного фонда иберийско-кавказских языков. Все это и ряд других достижений иберийско-кавказского языкознания должны быть учтены при исследовании родства иберийско-кавказских языков с древними языками Передней Азии и Средиземноморья.

После всего сказанного думается, ясно, что установление родства этих языков не может быть начато с поисков звуковых соответствий. Звуковые соответствия могут быть выявлены в процессе тщательного сравнительно-исторического изучения грамматического строя и структуры корнеслова вышеуказанных языков.

Как уже было отмечено, в статье Е. А. Бокарева категорически отрицалось всякое родство иберийско-кавказских языков с какими бы то ни было древними языками Передней Азии и Средиземноморья: Е. А. Бокарев считает неуместным вести какое-нибудь исследование в этом направлении. Однако другие участники дискуссии придерживаются противоположной точки зрения. Известный болгарский ученый акад. В. Георгиев хотя и отрицает родство иберийско-кавказских языков с баскским, этрусским (пелазгским) и т. д., но считает родственными с иберийско-кавказскими языками хаттский (т. е. протохеттский), хурритский, урартский. В. Георгиев пишет: «Важной задачей для кавказоведов является подробное изучение этих языков... в целях более точного установления их родственных отношений» (стр. 70). Для обозначения этих родственных языков он использует термин «хурритско-кавказский», «хаттско-кавказский», подразумевая под хаттским неиндоевропейский протохеттский (стр. 68—70). С другой стороны, В. Георгиев совершенно справедливо считает задачей кавказоведов «проверку кавказских элементов» в этрусском языке (стр. 56). Далее: относительно хеттского (неситского) акад. В. Георгиев говорит: «Хеттский содержит в значительной мере хаттско-кавказский субстрат. Важной задачей кавказоведов является исследование этого субстрата» (стр. 68).

В своей дискуссионной статье и И. М. Дьяконов не может отрицать родства, например, хаттского языка с иберийско-кавказскими языками (стр. 47). Изучение генетических связей иберийско-кавказских языков с языками Древнего Востока, вопреки мнению Е. А. Бокарева, он считает важной задачей (стр. 64). И. М. Дьяконов считает сомнительным родство иберийско-кавказских языков с такими языками Передней Азии, как, например, хурритский, урартский, эламский, шумерский. Во-первых, он ставит под сомнение родство между собой отдельных древних языков Передней Азии, так как, по его мнению, указанные языки проявляют существенные расхождения; характерную же для всех этих языков эргативную конструкцию он считает не более важным аргументом для доказательства родства, чем номинативную конструкцию, которая является общей для неродственных языков (какими, например, являются индоевропейские, семитические и финно-угорские языки) (стр. 61). Однако сам И. М. Дьяконов подчеркивает ряд общих черт для всех древневосточных языков (стр. 61 и др.). Что же касается сравнения эргативной конструкции с номинативной, нам кажется, что такая аналогия неуместна. Номинативная конструкция не является специфической конструкцией, она имеется во всех языках (в частности, и в тех, в которых имеется эргативная конструкция, например, при непереходном глаголе); эргативная конструкция является специфической конструкцией переходного глагола лишь определенной группы языков.

С целью ознакомления широкой лингвистической общественности с грамматической структурой упомянутых языков И. М. Дьяконов приводит

конкретные сведения о грамматическом строе этих языков. Возьмем, к примеру, шумерский, родство которого с иберийско-кавказскими языками кажется специалистам более спорным, чем, например, хурритского или урартского. Как видно из приведенной И. М. Дьяконовым характеристики, в шумерском:

1. «Форманты присоединяются к основе по агглютинативному принципу, как суффиксально, так и в особенности префиксально» (стр. 48). Ср. аналогичные характерные явления во всех иберийско-кавказских языках.

2. «Различаются имена класса людей и класса вещей» (стр. 48). Ср. точно такое же положение и во всех иберийско-кавказских языках.

3. Падежные окончания помещаются после целой синтагмы, например, определяемого и определений (стр. 48). Ср. аналогичные факты в адыгских языках: им. падеж *una dax'a-r*, эрг. падеж *una dax'a-m* «хороший дом» и т. д.

4. Субъект непереходного глагола и объект переходного глагола особыми показателями не оформляются (стр. 49). Ср. полностью такое же положение в древнегрузинском языке, адыгских языках.

5. Наиболее сложной категорией грамматики является глагол. Спрягаемая форма глагола должна содержать по крайней мере: показатель направления (?) действия, показатель субъекта и основу глагола.

Однако, помимо этих необходимых элементов глагольной формы, в ней могут присутствовать, преимущественно в виде цепочки префиксов, показатель наклонения, показатель, повторяющий отражение в предложении пространственные и некоторые другие отношения, показатель объекта действия (для переходных глаголов), показатель незавершенности (?) действия (стр. 49). Ср. аналогичную структуру глагола в иберийско-кавказских языках: в картвельских и абхазско-адыгских языках.

6. Употребление связки «быть», обычно приобретающей характер энклитики *-m*, которая спрягается как непереходные глаголы (стр. 49). Ср. аналогичное употребление связки во всех иберийско-кавказских языках.

7. «Чистая глагольная основа, повидимому, должна рассматриваться как именная основа» (стр. 49—50). Ср. историческую недифференцированность именной и глагольной основы в иберийско-кавказских языках.

8. Наличие эргативной конструкции (стр. 55). Ср. эргативную конструкцию во всех иберийско-кавказских языках (даже в абхазском языке, в котором отсутствует склонение).

9. «Типичным является... отсутствие противопоставления активного и пассивного залогов» (стр. 55). Ср. аналогичное явление в иберийско-кавказских языках и т. д.

В грамматическом строе различных неродственных языков вполне возможны совершенно случайные совпадения в отдельных грамматических явлениях, но совпадение всего комплекса явлений грамматической структуры в данном случае вряд ли может рассматриваться как простая случайность.

Так как специалистами признано родство ряда древних языков Передней Азии с иберийско-кавказскими языками, то необходимо для более углубленного изучения означенных языков и дальнейшего изучения их генетической связи учесть как современное состояние, так и историю развития иберийско-кавказских языков, с одной стороны, и древних неиндоевропейских и несемитических языков Передней Азии, с другой. А это нельзя не считать неотложным делом и специалистов по древним мертвым языкам Передней Азии, и специалистов по иберийско-кавказским языкам.